

Атмосфера 60-х годов вплоть до высшего всплеска лингвистической «бури и натиска» — Ереванской конференции 1967 г., собравшей энтузиастов со всего мира, — до сих пор с волнением вспоминается современниками, и Константин Бабицкий остается одним из символов тех незабываемых лет, символом трагическим, ибо год 1968-й надвигался неотвратимо.

Уже отправлены в ГУЛАГ А. Синявский и Ю. Даниэль. В августе рокового года в Прагу вводят танки.

На первое Костя отвечает песенным воплощением и исполнением стихов Ю. Даниэля.

Ответить на второе он мог только непримиримостью протеста, встав с товарищами «за вашу и нашу свободу» на самом запретном месте — Красной площади в Москве.

Впечатление от следственной камеры явилось для тонкой психики мастера тяжким ударом — худшим, чем последующая ссылка: в поселок за Сыктывкарком доходили телефонные звонки от семьи, на местной фабрике нашли себе дело его рабочие руки, а в самом городе березовых аллей его душевно привечали добрые, интеллигентные люди.

Строительство — на сей раз подмосковных академических дач — поддерживало его и после официальной ссылки, когда на просьбу о возвращении работать в академию последовал грубый отказ. Тем не менее К. И. Бабицкий возобновляет занятия наукой, и статья 1974 г. [14] представляет собой интереснейший фрагмент трансформационной модели предложения, где выбор варианта для своего воплощения предоставляется как бы самому «рефлектирующему» объекту.

Публикация эта оказалась, однако, последней. Нервное потрясение все больше дает о себе знать. От тяжелых впечатлений и воспоминаний К. Бабицкий уезжает из Москвы под Кинешму (1974 г.), решив начать новую жизнь на земле, в крестьянской избе, придирчиво выбирая новых знакомых в ожидании старых друзей. На жизнь зарабатывает в трескучие морозы как истопник, урывками делает переводы².

Только в 1984 г. с новой семьей он окончательно возвращается в Москву. К родным, друзьям, единомышленникам. По приглашению Вацлава Гавела и Александра Дубчека посещает Прагу, становится ее почетным гражданином, так и не получив признания невиновности от родной страны.

Болезнь меж тем прогрессирует, быстро слабеет память, творческий труд заказан окончательно. Устав напряженно глядеться в незнакомые лица друзей и вслушиваться в их речи, Константин Иосифович Бабицкий 14 сентября умирает. Жить мастер остается в неповторимом своеобразии своих работ, в грустных мелодиях всепрощения и в ностальгических воспоминаниях благодарных друзей, счастливых свидетелей его звездной поры.

Затем выступили А. В. Гладкий, Л. П. Крысин, Ф. К. Бабицкий, А. Н. Барулин, С. А. Крылов.

Из выступления А. В. Гладкого:

Главной чертой характера К. И. Бабицкого была основательность. При этом Константин Иосифович был очень увлекающимся человеком, но и во всех своих увлечениях был основателем. Он был многосторонне одарен — у него были блестящие способности к гуманитарным и точным наукам, к технике, к изучению языков, и все свои способности он стремился реализовать. Все, за что брался, делал профессионально. Вдвоем с одним из своих товарищей он построил — от фундамента до крыши — добротный дом в подмосковном дачном поселке. Я видел у него в деревне железную печку — «буржуйку», которую он сам сделал, чтобы быстро нагревался дом и удобно было готовить еду. Для всякого хозяйственного дела у него была своя «методика». И, конечно, основательность Константина Иосифовича ярко проявилась в его лингвистических исследованиях, так же как и другая его характерная черта — независимость. В науке он не был ничьим последователем, не принадлежал

² См. [16, 17]. Для выполнения перевода книги Петреску пришлось выучить румынский язык.